

Подрывная ирония

В словарях ироническим называется высказывание, когда говорится одно, а подразумевается другое. Этот смешной случай можно назвать иронией притворства. Говоря о «Евгении Онегине», надо сразу оговориться, что в романе преобладает ирония совсем другого рода.

Есть соблазн назвать пушкинскую иронию в «Онегине» романтической. Философ романтизма Ф. Шлегель говорил, что ирония – «абсолютный синтез абсолютных антитез». Сопоставление и соединение противоположностей без отрицания какой-нибудь из них обычно присутствует в онегинской иронии. Но романтическая ирония существовала в определенных рамках, высокое не смешивалось с низким. Ирония в «Онегине» подрывает самые основания культуры начала 19 века, в том числе культуры романтизма. Она воспринималась скорее как кощунственная русскими романтиками. Поэтому ее нельзя назвать романтической.

Правильнее сказать, что онегинская ирония – это соединение утверждения культурной нормы с ее отрица-

нием, священного с профанным. Такую иронию также можно назвать подрывной.

Эта ирония является ключевым приемом в поэтике романа.

1 Лотман об иронии в «Онегине»

К счастью, Ю.М. Лотман в работе [«Структура художественного текста»](#) положил начало исследованию иронии в «Евгении Онегине».

Лотман пишет о том, что сама идея о сопоставлении разных взглядов, когда ни один из них не отвергается, была новой в пушкинское время в России.

Лотман объясняет, что до Пушкина в России были два подхода к выражению точек зрения в художественном произведении. В классицизме считалось, что искусство отражает реальность. Автор и «хорошие» герои высказывают «истинную» точку зрения. А «плохие» герои высказывают всегда «ложную» точку зрения. И, конечно, главный герой всегда был хорошим, высказывал правильную точку зрения.

А в романтическом или лирическом произведении речь идет не об объективной реальности, а об авторе, выражается его субъективная точка зрения. Как правило, автор – сильная личность, имеет благородные намерения.

В любом случае, читатель мог смело отождествлять

себя с главным героем или с автором, и такое отождествление ему льстило.

Соответственно, культурной иронией до Пушкина была именно монологическая ирония, ирония притворства. Я нашла подтверждение этому в работе Ю.В. Манна «Русская литература 19 века. Эпоха романтизма», где он приводит примеры иронии в русской литературе, предшествующей «Онегину».

2 История неприятия иронии

Как отмечал Лотман, современники не могли принять допущение противоположных точек зрения, не видели пушкинской иронии. Доктрина Белинского - Достоевского также игнорирует иронию.

Неприятие иронии в России продолжалось в девятнадцатом и большей части двадцатого века. *Я не люблю иронии твоей. Оставь ее отжившим и нежившим*, писал Некрасов. Но и лагерь, противостоящий им (традиционалистов и националистов), иронию отвергал.

Например, Блок считал иронию болезнью. У него есть статья, которая так и называется «Ирония» (1908). Блок высказывается об иронии очень красочно и эмоционально. Вот серия цитат из этого произведения:

Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, - ничто не помо-

жет. Перед лицом проклятой иронии - все равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба».

Скорее всего, Блок говорит не о иронии притворства (думаю одно, а говорю другое), а о подрывной иронии, отождествляющей высокое и низкое.

Какая же жизнь, какое творчество, какое дело может возникнуть среди людей, больных «иронией», древней болезнью, все более и более заразной? Сам того не ведая, человек заражается ею; это - как укусы упыря; человек сам становится кровопийцей, у него пухнут и наливаются кровью губы, белеет лицо, отрастают клыки»

Да, сильно сказано.

Достоевский не говорит прямого «нет» тому семинарскому нигилизму, который разбирает его. Он влюблен чуть ли не более всего в Свидригайлова.

Видимо, проблема для Блока в том, что Достоевский слишком внимательно вглядывается в отрицательных героев.

Блок видит в подрывной иронии разрушение традиционной русской культуры, указывает на еврея Гейне, как источника этой заразы:

И все мы, современные поэты, - у очага страшной заразы. Все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне. Тою безмерною влюбленностью, которая для нас самих искажает лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святынь.

Блок мог бы указать на источник поближе, в известном ему русском поэте, ровеснике Гейне, таком А.С. Пушкине. Термин «провокационная» очень подходит для иронии Пушкина в «Онегине». Но Блок тоже не видел иронии в «Онегине». Он разделял точку зрения Мережковского, который находил мистически - националистическое содержание в романе.

Блок предлагает, как избавиться от болезни иронии: отречься от индивидуализма. В этом «лежит спасение и от болезни «иронии», которая есть болезнь личности, болезнь «индивидуализма»... «До тех пор» (пока не отречемся от индивидуализма, МС) «мы не застрахованы

ни от каких болезней вечно зацветающего, но вечно бесплодного духа.»

Можно поспорить с Блоком насчет «вечно бесплодного духа» Пушкина, Достоевского, Чехова. Но он попал точку с индивидуализмом.

Оба политических лагеря в России отрицали индивидуализм. А «Евгений Онегин» - роман индивидуалистический, роман о свободных частных людях (Онегине и Пушкине), которые отказываются присоединиться к какому-нибудь из лагерей, от служения чему бы то ни было. Ирония, скептическое отношение к любой партийной «правде», предполагает личную свободу и неангажированность, индивидуализм противопоставленный партийности. Может быть, традиционное негативное отношение к индивидуализму в российском обществе препятствовало и пониманию романа?

3 Пример из статьи Лотмана

Лотман приводит пример иронии в «Евгении Онегине», в котором ирония заключается в совмещении разных стилей в одной и той же строфе. Вот одна из строф главы 2, проанализированная Лотманом:

*И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,*

*И новый он принял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.*

Лотман видит в этой строфе сочетание высокого стиля (*отворились наконец, Перед супругом двери гроба*) и прозаического (*Он умер в час перед обедом*). Прозаизмы снижают этот текст, а архаизмы воспринимаются как штампы. В то же время, Лотман видит в этой строфе не только пренебрежительное отношение к Ларину, но и некоторую симпатию. Он пишет:

Однако стих *чистосердечней, чем иной* обнаруживает в архаическом штампе не ложную фразу, а содержание истины.

Лотман утверждает, что точка зрения автора обычно выражается у Пушкина именно в прозаизмах, в про-

СТЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, в противоположность напыщенным штампам.

Можно также заметить, что это также образец подрывной иронии: здесь есть смешение высокого и низкого, насмешка над смертью, над умершим, над церковными штампами.

4 Ирония в речи Онегина

Внутренняя речь Онегина, с которой начинается роман, это – образец онегинской подрывной иронии. Его мишенью в этом случае является культурное осуждение лицемерия. Онегин перевертывает это осуждение с ног на голову, утверждая, что лицемер является жертвой.

Другой пример можно найти в онегинском внутреннем монологе после получения письма Татьяны. Его рассуждение касается разврата. С точки зрения культурного человека, разврат аморален. Для Онегина тут все не так просто. Строфа 7 главы 4:

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя*

*И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков.*

Другими словами: женщин легко обольстить, не любя. Разврат был популярен у *старых обезьян* в 18 веке, но сейчас уже не моден.

Поскольку все это относится к страстному откровенному письму Татьяны, этот монолог должен означать, что он не удивлен и не заинтересован письмом, хотя этические принципы его не заботят.

Этот монолог касается не только разврата, но и женщин вообще. Он переворачивает с ног на голову романтическое представление о женщинах как о возвышенных, благородных созданиях. Сейчас это уже не воспринимается так революционно, поскольку отношение к женщинам радикально изменилось с тех пор.

5 Ирония автора по отношению к Татьяне

Ирония Пушкина по отношению к Татьяне обычно скрывается под лестью, восхищением или сочувствием. Вот

пример (Глава 7, Строфа XLVIII)

*Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор*

Здесь Татьяна выражает свое презрение к светской болтовне в Дворянском собрании. Строфа продолжается рассуждениями Рассказчика, где он полностью поддерживает Татьянино осуждение света.

Но эта строфа иронически перекликается со строфой из второй главы о привычных ей разговорах (Строфа XI):

*Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.*

Татьяна никогда не осуждала своих соседей за недостаточно умные разговоры. Это сопоставление выявляет фальшь Татьяниного осуждения *пустого света*. Татьяна осуждала город, потому что ее маска сентимен-

тальной героини требовала выражения презрения к городской жизни и умиления «селянами». Интересно, что ни та, ни другая строфы сами по себе не воспринимаются как критические к Татьяне.

Популярные «Комментарии» Ю.М. Лотмана к «Евгению Онегину» для учителей были написаны в духе советской ортодоксии, в которой Татьяна – идеал. Он также сопоставил эту строфу в седьмой строфе с предыдущими главами:

Показателен новый подход Пушкина к интеллектуальному уровню Татьяны. ... в пятой главе подчеркивалась ее наивность... В седьмой главе автор сливает интеллектуальные позиции – свою и Татьяны.

Лотман замечает противоречие, но не интерпретирует его. Могла ли Татьяна вдруг поумнеть? Навряд-ли. Если не допускать авторской иронии над Татьяной, игнорировать ее сентиментальную маску, надо признать, что здесь нарушается цельность образа Татьяны.

Вот еще один пример такого рода замаскированной иронии.

Рассказчик в восхищении письмом Татьяны задает риторический вопрос в третьей главе, строфе 31:

Кто ей внушал и эту нежность,

*И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?*

Рассказчик восхищается героиней, которую он сочинил, и текстом, который он сам написал? Или Рассказчик здесь передает Татьянин взгляд на мир, как и каждый раз, когда он говорит о Татьяне?

Так или иначе, но и само высказывание здесь двусмысленно. Передано восхищение тем, как здорово Татьяна все это изобразила: и *нежность*, и *небрежность* и *безумный сердца разговор*. Вопрос *Кто ей внушил?* подразумевает, что письмо очень хорошо сделано, как настоящее. Другими словами, это – искусно сделанная подделка.

Ортодоксальный читатель «Онегина» не замечает иронии. Поэтому он понимает эту похвалу буквально, как одобрение классика. Верит, что письмо Татьяны – это шедевр, которым надо восторгаться и заучивать наизусть.

А неортодоксальный читатель понимает, что, если бы Татьяна была на самом деле влюблена и непосредственно выражала свои чувства, вопрос *Кто ей внушил?* не возник бы. Читатель может еще вспомнить, что Рассказчик сам ответил на этот риторический вопрос раньше в той же третьей главе, строфе 10:

Одна с опасной книгой бродит,

*Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя. . .*

Строфа X сама по себе не воспринимается как снижающая образ Татьяны, поскольку в ней выражается собственный Татьянин взгляд на мир: и грусть и восторг *чужие*, но в них она находит *свой тайный жар*. Строфа оставляет неясным: Татьяна мечтала, а затем нашла описание своих мечтаний в романах, или сначала она прочитала о мечтах, восторгах и грусти в романах, и затем *присвоила* их: стала воображать, что она чувствует то же, что и героиня в ее романе. Во втором случае ее чувства не могут быть непосредственными, они заимствованы. Второй вариант кажется более правдоподобным, учитывая, что *Татьяне рано нравились романы, они ей заменяли все*. Двусмысленность строфы X также позволяет заподозрить здесь иронию.

Неортодоксальный читатель понимает, что в обеих строфах подразумевается неискренность, притворство Татьяны. Так создается эффект «двух романов в одном». Но роман, который может прочесть ортодоксальный читатель «Онегина», где Татьяна – идеал, внутренне противоречив, не может быть осмыслен.

6 Рассказчик шутит о жизни

В некоторых случаях авторская ирония не связана с героями. Такая ирония может строиться на отрицании общепринятого, приличного мнения (Глава 4, строфа XXII):

*Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.*

Здесь Рассказчик явно выступает в роли трикстера, подрывая основы общественной морали, поскольку коллективизм, самопожертвование для общего дела, как бы оно не понималось, обычно считается основой морали в России. Очевидно, утверждение о пользе любви к себе – также пример подрывной иронии. Эта строфа долж-

на была вызывать дружное возмущение всех партий в России.

В тексте «Онегина» слишком много разных видов иронии, чтобы даже упомянуть их здесь.

7 Заключение

Одно из основных художественных средств в поэтике «Евгения Онегина» – подрывная ирония. Ирония, сарказм Евгения Онегина – одна из ключевых характеристик его образа. Ирония автобиографического персонажа, 'Пушкина', используется в тексте для того, чтобы приподнять культурные маски, обнажить фальшь персонажей, подорвать уверенность в общепринятом. Эта ирония носит подрывной контркультурный характер, не была принята ни современниками, ни потомками.